

не времени, хотя и для этой категории можно говорить о центральных и периферийных способах выражения темпоральных значений. Если бы Н. С. Братчикова с этой точки зрения посмотрела на выражение временных значений в финском языке, то она увидела бы перекрещивание категорий аспектуальности и темпоральности по способам выражения этих категорий в финском языке, так как использование падежной системы может и должно быть отнесено не только к способам образования аспектуальности, но и темпоральности. В противном случае автор должна была бы доказывать индифферентность именных групп к образованию категории темпоральности в финском языке.

Во-вторых, в рамках теории функционально-семантического поля следовало бы показать широкое использование в образо-

вании анализируемых категорий (особенно — темпоральности) наречий и релятивных слов.

Работа Н. С. Братчиковой написана на хорошем теоретическом уровне, с глубоким пониманием сути поставленной проблемы. Исследование проведено с учетом огромной специальной литературы по разработанной теме, но вместе с тем вполне самостоятельно. Если бы Н. С. Братчикова, основываясь на презумпции доверия к авторам различных монографий и статей по функционально-семантическому полю аспектуальности и темпоральности в русском и финском языках, смелее вступала в полемику с их авторами, работа бы только выиграла, тем более что автор безупречно владеет финским языком и способна чувствовать такие тонкие явления народного языка, как транспозиция значения.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1995.3.16>

Т. Б. А г р а н а т, *Грамматика послелога в синхронии и диахронии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1994.*

26 декабря 1994 года на заседании Специализированного совета Д 053.05.16. по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова состоялась защита кандидатской диссертации Татьяны Борисовны Агранат.

Работа Т. Б. Агранат выполнена под руководством доктора филологических наук профессора А. И. Кузнецовой. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Б. Ю. Городецкий (Москва) и кандидат филологических наук А. Ф. Сован (Москва—Будапешт); внешний отзыв, подписанный кандидатом филологических наук доцентом К. И. Ваврой, прислан из Московского государственного института международных отношений. Работа защищалась по специальности 10.02.19 — Теория языкознания.

Актуальность рецензируемого исследования, как отметил первый оппонент Б. Ю. Городецкий (и с ним нельзя не согласиться), обусловлена необходимостью уточнения и пересмотра многих фундаменталь-

ных представлений о языке как информационном (и более того — когнитивном) механизме. Этот пересмотр осуществляется, во-первых, с учетом новых теоретических идей, выдвинутых в лингвистике XX века, во-вторых, с учетом новых эмпирических данных и, в-третьих, с использованием новых методов анализа и представления языковых структур. К числу упомянутых фундаментальных представлений относится концепция членения языков на планы и уровни, а также ряд примыкающих к ней идей (в частности, постулат об «асимметричном дуализме языкового знака»). Здесь встают вопросы, имеющие радикальное значение для строения общей лингвистической теории, для описания любого конкретного языка. Насколько четкой является граница между словом и морфемой? Могут ли независимо описываться синтаксические и морфологические конструкции? Есть ли четкая граница между системой имени и системой глагола? И каково же все-таки место семантики в лингвистическом описании? Венгерский язык дает благодатную почву для развития новых лингвистических идей.

В теоретическом отношении работа Т. Б. Агранат имеет важное значение, так как рассматривает не подвергавшиеся ранее изучению проблемы: изменение употребляемости послелогов и эквивалентных им способов выражения сирконстантных отношений, замену послеложных конструкций выражениями с превербами в диахронии, а также некоторые исчезнувшие из языка послеложные конструкции.

Проблематика работы и особенности исследуемого материала определили круг сформулированных задач, которые последовательно решаются автором: 1) установка послеложных систем в памятниках языка, отобранных для исследования; 2) анализ соответствий послеложным конструкциям других средств выражения сирконстантных отношений в различные периоды в языке; 3) нахождение для каждого синхронного среза синонимичных послелогов и случаев синтаксической синонимии; 4) установление семантики, дистрибуции и возможных причин исчезновения некоторых не сохранившихся в языке конструкций с послелогоми.

Композиция работы отличается четкостью и логичностью. Исследование состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении (с. 2—4) определяются задачи исследования, обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическое и практическое значение полученных результатов.

В первой главе «Основные проблемы грамматики послелога в лингвистических исследованиях» (с. 5—44) представлен содержательный обзор работ по данной тематике. Автор рассматривает труды как венгерских, так и других лингвистов. Следует заметить, что венгерская традиция рассмотрения грамматики послелога отличается от аналогичных исследований в работах невенгерских лингвистов. Так, в частности, в венгерском синтаксисе не принята синтаксическая теория Теньера с ее выделением сирконстантных отношений, изучение которых входит в задачи данной работы; точно также для венгерского синтаксиса нехарактерно изучение тема-рематических отношений в предложении, что делает автор и таким образом рассматривает известные в хунгарологии проблемы под совершенно новым углом зрения.

Вторая глава «Послеложные конструкции в диахронии: соответствия типа «пос-

лелог — послелог»» (с. 45—105) посвящена конкретному исследованию послеложных конструкций в диахронии. В качестве материала используются переведенные в разное время на венгерский язык с латинского оригинала части Библии. К сожалению, совпадающих частей, переведенных в разные века и имеющихся в библиотеках Москвы, оказалось мало, поэтому были использованы переводы только XV, XVI и XX веков, откуда были взяты все выражения с послелогоми. Общий объем примеров составил более 1500 случаев, из которых после отсеивания дублетных выражений осталось 335 троек примеров. Факт отсутствия материала по XVII, XVIII и XIX векам не вина, а скорее беда автора. Рассмотренный материал проанализирован очень полно и скрупулезно — как в качественном отношении, так и в количественном.

Поведение каждого изучаемого послелога, встретившегося в тексте, наглядно демонстрируется на рисунках. Показано, что употребление одних послелогов возрастает, других — уменьшается, некоторые исчезают совсем, некоторые появляются в языке. Общий подсчет количества случаев встречаемости послелогов по памятникам приводит автора к выводу о тенденции к увеличению употребления послелога в истории венгерского языка.

В этой главе рассматриваются также примеры синонимичного употребления послелогов в каждом из трех синхронных срезов. Устанавливается в каждом конкретном случае, являются ли данные послелоги синонимами, или это — синтаксическая синонимия, под которой понимается эквивалентность разноструктурных элементов языка. Такое понимание синтаксической синонимии представляет собой новый подход к определению данного явления.

В третьей главе «Аналитические способы выражения сирконстантных отношений» (с. 106—133) рассматриваются случаи несовпадения способов выражения сирконстантных отношений в параллельных текстах памятников, т.е. изучаются послеложные конструкции в одних памятниках, которым соответствуют в других имена с падежными аффиксами, конструкции с превербами или вольные переводы.

В первой части главы (с. 106—118) разбираются в каждом памятнике все примеры с послелогоми, которым соответствуют

падежные аффиксы в других памятниках. Подсчет показывает, что в истории венгерского языка происходило заметное увеличение употребления послелогов за счет снижения употребления падежных показателей, это свидетельствует об аналитических тенденциях в именном склонении.

Вторая часть главы (с. 118—122) посвящена рассмотрению примеров, в которых послелогам и падежным аффиксам в одних текстах соответствуют семантически адекватные другие синтаксические конструкции, представляющие вольные переводы с латинского оригинала.

В третьей части (с. 122—133), особенно интересной, исследуются случаи соответствия послеложным конструкциям в одних памятниках выражений с проверками в других (последние встретились только в тексте XX века). В качестве причины смены в истории языка одних выражений другими автор называет перестройку видо-временной системы венгерского языка.

В четвертой главе «Квазиизафетные конструкции в истории венгерского языка» (с. 134—155), хотя и маленькой по объему, но глубокой по содержанию, рассматриваются конструкции с послелогам, не сохранившиеся в современном венгерском языке. Автор называет их «квазиизафетными», основываясь только на их формальном сходстве с изафетной (притяжательной) конструкцией — оформленности изафетными показателями.

Делается попытка установить дистрибуцию данных конструкций, их встречаемость по отношению к выражениям «существительное + послелог» и к послелогам с притяжательными аффиксами и определить их смысл и значение, а также причину исчезновения.

На основании рассмотренных примеров делаются выводы о том, что изучаемые конструкции всегда являются принадлежностью темы высказывания, притяжательные показатели указывают на то, что выражение, которое они оформляют, — не новое, а данное, известное из предшествующего контекста, т.е. служит для топиализации.

С другой стороны, использование для тематизации именно притяжательных показателей представляется вполне логичным, так как possessивная конструкция, где они присутствуют, как раз и выполняет определительную функцию.

В заключении (с. 156—159) убедительно подводятся общие итоги работы и излагаются основные выводы исследования, как, например: 1) рост числа употреблений послелогов на протяжении письменной истории венгерского языка; 2) заметное увеличение употребления послелогов за счет снижения употребления падежных показателей. Отмечается также, что в некоторых предложениях с глаголами движения послеложным конструкциям ранних памятников в XX веке соответствуют эквиваленты без послелогов, в которых сирконстантные отношения выражаются проверками. Очевидно, причина этого заключается в перестройке видо-временной системы венгерского языка. Кроме того, делается вывод, что «квазиизафетные» конструкции всегда являются принадлежностью темы высказывания. Наконец, на материале каждого из изученных памятников были обнаружены как синонимичные послелоги, так и случаи функциональной эквивалентности разноструктурных элементов языка, т.е. послелогов и существительных с соответствующими падежными аффиксами, а также эквивалентных им конструкций с проверками.

К содержательной и интересной работе Т. Б. Агранат могут быть сделаны некоторые замечания: 1) вызывает сомнение правомерность привлечения к анализу единичных примеров, таких как *kívül, körül, felé, fogva* (с. 65—68), поскольку на основании отдельных примеров трудно установить тенденцию исторического развития языка; 2) вряд ли целесообразно подсчитывать степень синтетизма по Гринбергу, не раскрывая методики членения на морфемы, предлагаемой автором; в этом случае приходится верить автору на слово; 3) в качестве пожелания на будущее можно предложить автору более подробно рассмотреть конечные причины, обуславливающие колебания намеченных тенденций от аналитизма к синтетизму и обратно в разные века.

В заключение следует сказать, что приведенные замечания не касаются существа проведенного исследования и не снижают общего весьма положительного впечатления от работы Т. Б. Агранат. Эта работа — содержательное, квалифицированное исследование, раскрывающее знание автором литературы вопроса и посвященное, несомненно, актуальной и перспективной теме.

А. Ф. СОВАН (Москва—Будапешт)